

Калдовские *Миры*

Глава 1

— Мама, Гаспáр приехал! — в ужасе ворвалась я в покои отца. Тут же вспомнила, что мне не подобает носиться, словно я простолюдинка, выпустила из пальцев подол черного траурного платья и спешно расправила его, украдкой покосившись на завешенное зеркало.

— Явился, ублюдок.. — Мама сжала зубы и бросилась в коридор, чтобы выглянуть во двор замка, а я побежала за ней.

Оттуда уже доносились громкое ржание лошадей и зычный гогот пьяной разудалой компании. Мой беспутный единокровный брат, бастард, нагулянный отцом от одной из служанок еще в юности, задолго до женитьбы на моей матушке, ныне графине Альéнде дас Резí, верховодил своими приятелями и подпевалами. Судя по их бурному веселью, они уже праздновали.. А больше всех ликовал он, Гаспар. Тот, кого я по малолетству искренне любила, считая братом. Пусть всего лишь единокровным, незаконнорожденным, но братом, родной кровью.

Увы, так считала лишь я. А ему притворства хватило ненадолго, только до первой стычки

с отцом относительно наследства и титула. Мне тогда было шесть, Гаспару двадцать пять. И когда папа ему прямо сказал, что наследницей стану я, законнорожденная дочь, единственный ребенок, появившийся в браке с обожаемой женой... Вот тут-то и закончился шаткий мир между детьми графа дас Рези.

Гаспар еще готов был терпеть искреннюю привязанность малолетней сестрицы, родившейся от ненавистной мачехи, но не то, что титул, земли и состояние уйдут к «мелкой мерзавке». С того разговора не проходило ни одной нашей встречи, чтобы я не получала толчка, щипка, подножки, «случайно» опрокинутого на мое светлое платье вина, едкого оскорбления или шепотка, что я сдохну как нищенка, а уж он об этом позаботится. Причем делал это так, чтобы никто не видел.

Недостойно мужчины, недостойно аристократа (пусть и незаконнорожденного, но признанного официально), недостойно человека вообще относиться так к девушке. Тогда еще девочке.

А потом он стал много пить, кутить, играть в карты, связался с нехорошей компанией...

С тех пор минуло десять лет. И вот... нашего отца не стало сегодня ночью, а с утра пораньше приехал Гаспар. И судя по тому, как веселится его пьяная свора, праздновали они уход графа дас Рези с той минуты, как в город прискакал посыльный папы. И совсем не спешили в замок. Хотя граф хотел проститься со старшим сыном

и отправил нарочного, сообщив, что до рассвета еда ли дотянет, но хочет увидеться до того, как испустит последний вздох.

— Рэмина, ты всё помнишь? — повернулась ко мне мама, трясущимися руками поправляя растрепавшиеся после бессонной ночи у одра умирающего мужа волосы.

— Да, но, мам... Он не посмеет. Ведь завещание...

— Рэми, милая... — Мама глубоко вдохнула воздух и медленно выпустила его сквозь зубы. — Ты ничего не забыла? Родная, у меня не больше недели, ты же знаешь. Поклянись, что не выйдешь! Если я не выпущу тебя сама в течение восьми дней, то ты...

— Да, мама, — опустила я глаза, пряча слезы. — Месяц. Я помню.

— Люблю тебя, доченька. Помни об этом. — Я очутилась в крепких объятиях.

— И я люблю тебя. — Слезы уже не удавалось сдерживать. И хотя мне казалось, что я выплакала их еще ночью, горюя о смерти папы, но прощаться с мамой оказалось не менее больно.

— Беги! — подтолкнула меня вдова графа дас Рези. — Прячься! Я попробую избавиться от него, но...

И я побежала. Прочь от пьяных голосов, разносящихся уже по замку. Подальше от старшего брата, ненавидящего меня и свою мачеху. Туда, где всё готово, где предстоит спрятаться, пока ситуация немного не прояснится. А дальше...

Мы с мамой надеялись на лучшее, только вот и она, и я понимали: мне не справиться с Гаспаром, не удержать власть. Отца больше нет, значит, скоро не станет и мамы. А я... Если за эти восемь дней не успеют приехать стряпчие короля и назначенный короной опекун, то у меня один выход — бежать. Оставляя в живых соперницу Гаспар не станет, подстроит мою гибель мгновенно, я и мяукнуть не успею. Или не подстроит, а просто прирежет... Либо, если не захочет руки марать, то проведу я остаток жизни в самом дальнем храме Неумолимой, у подножия горных кряжей. И, разумеется, я сама туда захочу, скорбя о безвременно ушедших родителях. И конечно же, добровольно откажусь от титула и состояния в пользу единственного близкого родственника... А «остаток жизни» моей в тех условиях будет совсем недолгим, мне там не протянуть и двух лет. Либо сама умру, подорвав здоровье, либо мать-настоятельница и сестры заметят мои способности и убьют.

Неслышимый шелест песчинок казался мне грохотом сходящей с гор лавины. Минута за минутой, час за часом, день за днем... Песочные часы безучастно отсчитывали время. Им неведомы людские страсти и переживания, им безразлично, что каждый их переворот, обозначающий двадцать пять часов очередных прошедших суток, приближает неизбежное.

Я отмечала каждый этот переворот на листе, чтобы не заблудиться в безвременье, не потерять представление о том, сколько дней прошло с той минуты, как я забежала в тайный ход. Здесь все было готово для беглянки, прячущейся от единокровного брата, жаждущего денег и власти... Я знала, никто, кроме мамы, меня не найдет и не выпустит.

А она знала, что, помимо нее, некому позаботиться о ее дочери. И преодолевая страх перед разоблачением и неминуемой смертью, графиня Альенда дас Рези, сильная магичка, скрывающая свой дар ото всех, чтобы ее немедленно не сожгли, зачаровывала и дверь в тайный ход, ведущий из моей комнаты, и то, что хранилось внутри. Стазис-ларь, забитый едой на месяц. Три стазис-бочонка с питьевой водой. Одежда и толстый тюфяк, чтобы не отсырели. Книги, которые не позволили бы мне сойти с ума от одиночества в этом темном замкнутом пространстве. Песочные часы, чтобы они сами переворачивались, ведь я могла заснуть, забыть. Мама продумала всё. Даже закуток, отведенный под отхожее место, был прикрыт чарами. И главное — свет-камень, ровного неяркого сияния которого хватало мне для чтения.

Мама рассказывала мне сказки. Точнее, я думала, что это сказки, лишь пока была крохой. А уже лет с пяти стала осознавать, что это истории о тех государствах, в которых нет запрета на

магию. Там живут волшебные народы — эльфы, драконы, оборотни и многие другие. В тех краях магов ждут почет и уважение, а не пытки и мучительная смерть в очищающем огне.

В нашем закрытом королевстве, кроме людей, обитало лишь немного гномов. Да и то, им позволено держать банки и обслуживать купленные у них механизмы, но не торговать своими другими изделиями или добывать руды и камни. А банковская сфера — это да. Наши правители не желали отказываться от преимуществ банковской системы гномов. Так же как и от механических приспособлений, не содержащих ни капли магии.

Другим народам ход к нам, в королевство Дáгра, чистое от злокозненной магии, был закрыт. Скорее всего, убить ни эльфа, ни дракона не хватило бы сил, но международный скандал вышел бы знатный. Ведь им запрещено появляться на наших землях. А нас, жителей изолированного государства, никто не выпускал в большой мир. Лишь немногочисленные проверенные купцы возили товары через перевалы на юге и севере. Ну и, само собой, беспрепятственно проезжали дипломаты и люди короля.

Наше графство располагалось у западных границ Дагры. А тот страшный храм, куда я панически боялась попасть, на севере. Ни за что не пойду в ту сторону. Сестры Неумолимой, как говорят, сразу видят, есть ли в ком-то хоть искра дара. В народе об этой их способности ходили страшные байки. Ведь никто не знал, какими умениями

обладают жрицы богини смерти, но боялись их панически. Воображали и домысливали то, что не могли проверить и подтвердить, ведь у страха глаза велики. Ими пугали детей и отчаянно боялись сами. Мол, будешь себя плохо вести, станешь ведьмой (магом), придут за тобой сестры Неумолимой...

Аристократы, те не позволяли себе такого, воспитание не допускало. А вот простой необразованный люд от своей дремучести придумывал всякое. Я, пока росла и играла с детворой замковой прислуги (за неимением других сверстников в своем окружении), чего только не наслушалась. Мама, когда я пересказывала всё это, грустно улыбалась, глядя меня по голове, но не опровергала и не давала своих объяснений.

Я потеряла глаза, уставшие от долгого чтения. Встала, сделала несколько приседаний и наклонов. Мама настрого приказала двигаться, не сидеть, не позволять застояться крови и одеревенеть телу. Обязательно упражняться, как она учила: наклоняться, приседать, прыгать, вращать руками. А больше в этом маленьком помещении заняться все равно было нечем. Восемь шагов в длину, шесть в ширину, сорок ступеней вверх к секретной двери, ведущей в мои покои. Меня мама и переселила-то именно в них, когда случайно наткнулась в архиве на старинный план замка. На новом чертеже, лежавшем в отцовском сейфе, отчего-то этот потайной ход и ведущий из

него тоннель отсутствовали. Графиня, обнаружив несоответствие, всё сама проверила, украдкой зачаровала древний механизм открывания двери, прятаясь за зеркалом в гардеробной, и после этого во всеуслышание объявила, мол, так как я девочка уже большая, то имею право выбрать себе новые покои вместо маленькой детской возле спальни родителей. А она готова пройтись со мной по всему замку и даст согласие на любое помещение, какое мне приглянется, если только оно не будет располагаться на чердаке или на этаже прислуги.

Надо ли говорить, что я уже знала, какие именно комнаты мне необходимо выбрать? Я и выбрала, послушно разыграв капризы и недовольство всем, что мне настойчиво предлагали, пока не «наткнулась» на нужные. За идущим в обветшалых комнатах ремонтом графиня Альенда дас Рези бдительно следила, так что тайна осталась никем не раскрытой. Хотя сейчас я уже и не вспомню, как ей удалось сделать так, что секретную дверь за зеркалом не обнаружили. Старинный чертеж мы с ней уничтожили, предварительно выучив назубок, так, чтобы смогли нарисовать по памяти. Да и по тоннелю, ведущему прочь из замка, мы не единожды вместе проходили. Я должна была там хорошо ориентироваться.

Папа над нашими развлечениями с ремонтом давно пустующих покоев и переселением меня в них посмеивался, но не мешал. Хотя не уверена, был ли он в курсе существования потайного хода.

Граф очень любил и жену, и дочь. Знал, что его жена сильная магичка, знал и скрывал ото всех. А мне с младенчества приходилось носить блокирующий магические способности амулет, чтобы ненароком себя не выдать. По этой причине я до сих пор не догадываюсь, к чему имею склонность, какой у меня дар и есть ли он вообще. Мама говорила, что наверняка есть, но проверять опасно, могут засечь всплеск силы. Ведь дети совершенно не умеют контролировать себя.

Я могу управлять огнем? Или водой? Возможно, умею летать с ветром наперегонки? Или же я целитель и могла бы спасти людям жизни? Не знаю.

И вот, папы больше нет в живых. Мамы... мамы тоже больше нет.

Напрасно я ждала бесконечные восемь дней, вздрагивая от каждого шороха, порываясь бежать наверх, навстречу ей, идущей за мной.

Не пришла даже попрощаться перед тем, как ее сердце остановится.

И уже никогда не придет... А может, не было у нее и этой недели. Наверное, как она и говорила, Гаспар подстроил всё так, словно она наложила на себя руки от горя или «случайно» упала с лестницы.

Лучше бы она сама уничтожила Гаспара! Ненавижу! Как же я его ненавижу! За годы травли единокровным братом у меня не осталось к нему никаких теплых или родственных чувств. Ведь

я говорила маме об этом, рассказывала, как он меня обижает, а она грустно улыбалась, утирала мои слезы, гладила по волосам и отвечала, что поклялась на крови не причинять ему вреда. Давно, тогда, когда мы еще не были для него врагами...

Слез у меня уже не осталось, выплакала. Боли... наверное, ее тоже не осталось. Не знаю. Просто сердце застыло ледяным комком. Я знала, что стану полной сиротой через неделю после того, как умрет мой отец, граф дас Рези. Всё мне было известно, мама готовила меня с детства, чтобы это не стало ударом. Говорила, что их с папой судьбы и души связаны с того самого момента, как они поженились. Ведь она маг и прошла обряд соединения с супругом... Но одно дело — знать о чем-то. И совсем другое — вдруг потерять всех членов семьи, а вместе с ними и титул, наследство, дом, слуг.

Теперь всё приберет к рукам Гаспар Рези, ба-стард графа. А ведь у него даже нет приставки к фамилии. Но он единственный прямой потомок отца, кроме меня...

А потому лучше лишиться всего, но жить, чем принять наследство и стать графиней, но очень ненадолго.

Я о многом передумала за этот месяц взаперти. И о прошлом, перебирая каждое светлое воспоминание и нанизывая их на ниточку памяти. И о грустных вещах, пряча их подальше. И о бу-

дущем, которое мне предстоит выстроить самой. Надо всего лишь выбраться из замка и уйти далеко. Так далеко, чтобы Гаспар Рези никогда не смог меня найти.

Знаете, что самое страшное для человека? Одиночество. Полная изоляция... Я не сошла с ума в этом своем убежище лишь потому, что твердо верила — это не навсегда. Мне нужно продержаться четыре недели, тридцать два дня, восемьсот часов... А потом уйти по тайному тоннелю, ведущему отсюда на волю, за пределы графского замка, в неприметный овраг в лесной чаще.

За месяц погоня, которую наверняка отправил за сбежавшей сестрой Гаспар, должна продвигаться далеко, проверить все окрестности, потрясти город и ближайшие деревни. Добраться и до столицы. Ведь куда могла направиться наследница старинного аристократического рода, опасаясь за свою жизнь? Конечно же, к его величеству, искать королевской справедливости.

Время моего заточения приблизилось к завершению. Закончились продукты, строго рассчитанные на конкретный срок пребывания. Остались лишь те, что долго не портятся, и приготовленные специально для путешествия — твердый сыр, вяленое мясо, орехи, сухари. Воды осталось на доньшке одного из бочонков. А потому настала пора собираться в дорогу.

Мужскую одежду мы с мамой купили чуть больше двух месяцев назад, когда ездили в со-